

УДК 947 (470. 51)

Ренёв Е. Г.

(г. Ижевск)

ВООРУЖЁННЫЕ СИЛЫ ИЖЕВСКО–ВОТКИНСКОГО ВОССТАНИЯ
В РАННЕЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. Статья посвящена Ижевско–Воткинскому рабочему восстанию, которое было самым мощным выступлением против большевиков в 1918 г. Проанализировано мнение советских историков и их последователей о том, что вооружённые силы восстания были разгромлены значительно уступавшими им частями Красной армии. Хотя в середине 20–х гг. была предпринята попытка реального исследования проблемы, но никакого развития она не получила. В статье выявлено, как возникли эти утверждения и их обоснованности.

Ключевые слова: Ижевско–Воткинское рабочее восстание, советская историография, Красная армия, Народная армия, вооружённые силы.

E. Renev

(Izhevsk)

THE ARMED FORCES OF THE IZHEVSK–VOTKINSK
REVOLT IN THE EARLY SOVIET HISTORIOGRAPHY

Abstract. The article is devoted to the Izhevsk-Votkinsk workers' revolt, which was the most powerful unrest against the Bolsheviks in 1918. The author analyzes the Soviet historians and their followers' opinion that the rebels' armed forces were defeated by the Red Army which was far less numerous. Although in the mid 20-ies an attempt was made to actually study the problem but it had no continuation. The article identifies where these statements originate from, as well as their validity.

Key words: Izhevsk–Votkinsk workers' revolt, soviet historiography, the Red Army, the People's Army, armed forces.

В статье, опубликованной в Вестнике МГОУ № 3 за 2011 г., мы рассматривали ряд мифов, плотно окружающих тему Ижевско–Воткинское восстания. Речь тогда шла об описании характера последних боев за Ижевск в ноябре 1918 г., дате падения города и телеграмме В.И. Ленину об этом событии, преждевременно посланной командованием 2-й Красной армии [7, с. 135–140]. В предлагаемой статье мы продолжим эти исследования, сосредоточив внимание на происхождении и обоснованиях другого историографического мифа – о победе красноармейцев над многократно превосходившими их силами повстанцев.

Об этой сокрушительной «победе» сообщало сначала командование 2-й Красной армии, потом этой линии неукоснительно придерживались почти все советские историки, или те, кто продолжает их традиции сегодня. Один из первых исследователей вопроса Н. Сапожников через шесть лет после восстания утверждал: «Из 50-тысячной «народной армии» Прикамья после боев за Ижевск у белоучредилловцев осталось немногим более 20 тыс. солдат и офицеров» [8, с. 16]. При этом этапы формирования армии восстания у данного автора были представлены так: сначала это были ижевские добровольцы «<...> тысяч до трех фронтовиков, вооружились гимназисты, ученики школы оружейных техников <...> с первых же дней восстания создавалась крепкая, боеспособная, дисциплинированная военная единица, насчитывавшая до 5 000 человек» [8, с. 15]. Вслед за этим последовала всеобщая мобилизация городского населения Ижевска, за которой «<...> последовала мобилизация и крестьян прилегающих к Ижевску волостей. В итоге ижевская «народная армия» выросла в 25-тысячную военную силу» [8, с. 17]. Далее, по мнению Н. Сапожникова, после взятия ижевцами соседних Воткинска (17 августа) и Сарапула (31 августа) и прилегающих к ним окрестностей численность армии повстанцев выросла еще минимум в два раза. Только в Воткинске к повстанцам присоединилась «десятитысячная рабочая армия» [8, с. 18], еще столько же после призыва «всех мужчин в возрасте от 18 до 45 лет» присоединилось в Сарапуле и его окрестностях [8, с. 19]. «Таким образом, – делает вывод Сапожников, – Ижевская, Воткинская и Сарапульская армии к сентябрю составили вооруженную силу почти в 50 000 чел. Для эпохи гражданской войны эта сила – весьма солидная, с нею можно было многое сделать» [8, с. 19–20].

В военно-техническом обеспечении у повстанцев, по мнению Н. Сапожникова, никаких проблем тоже не было. Так, он утверждал, что помимо значительной живой силы, армия повстанцев была снабжена «<...> достаточным количеством пулеметов, артиллерией, изготовленной на Ижевских заводах. В армии ощущался только недостаток патронов. Но в дальнейшем и этот недостаток белым удалось устранить. Располагая техническими силами, они сумели на Ижевском оружейном заводе организовать патронное производство» [8, с. 17].

Разберемся с основными выводами указанного автора, но сначала отдельно отметим источники данной работы. Сам автор их представил так: «... номера издававшихся во время восстания газет «Ижевский Защитник» и «Голос Крестьянина»; отдельные отписки постановлений, резолюций, объявлений и т. д.», статьи эмигрантов – участников восстания (все это, по его признанию, предоставило местное (Воткинское) подразделение

ОГПУ, а также «воспоминания участников борьбы», которые к тому времени начал собирать Воткинский обком ВКП (б) [8, с. 17].

Итак, первое – о насильственном и всеобщем характере мобилизации. Н. Сапожников, доказывая это, приводит выдержки из постановлений военной и политической власти повстанцев. Но цитирует их он весьма избирательно. Так, в частности, он объясняет успешность насильственной мобилизации тем, что «каждый боялся подпасть под преследование «по всей строгости законов» [8, с. 15]. Но ничего подобного в документах, на которые ссылается Н. Сапожников, не содержится – ни в приказе по мобилизации, ни в «Постановлении Ижевского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, совместно с представителями от фронта от 22 Августа 1918 г.», на котором этот приказ основывался. Максимальное наказание, предусматриваемое за дезертирство на этот период, согласно последнему – общественное порицание и лишение денежного содержания: «... 2) Впредь до сформирования полков нужных Ижевску для защиты никаких судов не создавать, а ограничиться тем постановлением Части Совета исполкома от 18 числа, по которому лица дезертирующие лишаются содержания за те дни, которые они отсутствовали в своих частях, а кроме того подвергаются общественному порицанию...» [2, № 1, с. 2].

Далее, о том, что «за мобилизацией городского населения последовала мобилизация и крестьян прилегающих к Ижевску волостей». И этого нет в указанных документах. Более того, указанным выше постановлением особо предписывалось: «<...> 4) Принудительной мобилизации в деревнях пока не производить, а допустить лишь добровольное выступление в ряды Ижевской Народной Армии <...>» [2, № 1, с. 2]. Сама же принудительная мобилизация на селе была объявлена только 14 октября 1918 г., когда до поражения восстания оставалось чуть более трех недель и значительная часть его территории уже находилась под контролем Красной армии. Причем и эта мобилизация была далеко не всеобщей: «<...> Мобилизации подлежат лица в от 25 г. (так написано в оригинале. – Е.Р.) до 30 лет включительно, <...>, проходившие и не проходившие ряды войск» [2, № 22, с. 1].

Второе положение – определение численности войск повстанцев в 50 тыс. бойцов. Никаких документов для подтверждения его Сапожников не приводит. Неизвестно, были ли ему доступны документы Ижевской Народной армии, хранившиеся в то время в центральном архиве ГПУ в Москве, но по ним ее силы на конец восстания определяются в два сформированных пехотных полка, списочной численностью около полутора тысяч штыков каждый, третий полк, находившийся в стадии формирования, и один

запасной¹; кавалерия была представлена всего одним эскадроном². Следующее, – «десятитысячной рабочей армии» в Воткинске просто быть не могло, т.к. на указанный период рабочих в этом городе насчитывалось чуть более 6 тыс. чел. (в Ижевске – немногим более 20 тыс.) [1, с. 11]. И последнее по этому положению – максимальная армия, которую могла организовать «сарapulьская контрреволюция», едва превышала 2 тыс. бойцов. О чем говорит множество сохранившихся приказов по Сарapulьской Народной армии³. И третий вывод Сапожникова – о военно-технической мощи армии восставших. Остается загадкой утверждение этого автора о том, что за короткое время можно было наладить производство артиллерии на оружейном заводе. Ничем не подтверждается и вывод о наличии «достаточного количества пулеметов» у ижевских повстанцев, под который не приводится ни одного документа. Хотя документы восстания, хранившиеся в то время в Вотском ГПУ, показывают, к примеру, ничтожное количество у них артиллерийских орудий и снарядов (на начало ноября 1918 г. четыре 3-дюймовых орудия на весь периметр обороны⁴ и еще одно за Камой [6]). Нет ничего об огромной силе повстанцев и в «воспоминаниях участников борьбы», которые к 1922–1923 гг. собрал местный обком ВКП (б), более того, в ряде из них силы армии восстания просто высмеиваются⁵.

Возникает закономерный вопрос – откуда тогда взялись у Н. Сапожникова приведенные им данные. Как это ни странно – из сочинения меньшевика-эмигранта И.Г. Уповалова, которые этому историку любезно предоставили органы ГПУ. Уповалов во время восстания находился в районе Воткинска, занимался пропагандой и никакого отношения ни к боевым действиям, ни к непосредственному руководству не имел. В его статье «Рабочее восстание против Советской власти», опубликованной в 1923 г., не имеющей ни одной ссылки на документы или свидетельства участников событий, в частности утверждалось: «Все рабочие и крестьяне, взявшиеся за оружие, <...> несли свои жизни на поле брани, где как львы сражались, не имея пушек, вооруженные одними винтовками, при недостаточном количестве патронов, с противником, до зубов вооруженным и в 10 раз превосходившим их. Они побеждали и отнимали у противника пушки и пуле-

¹ Российский государственный военный архив (далее: РГВА). Ф. 39552. Оп. 1. Д. 2. Л. 16–17, 31; Д. 3. Л. 109–110 об.

² РГВА. Ф. 39552. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

³ РГВА. Ф. 4008. Оп. 1. Д. 2. Л. 5; Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁴ Центральный государственный архив Удмуртской республики (далее: ЦГА УР). Ф. Р–460. Д. 2. Л. 151–151 об.

⁵ Центр документации новейшей истории Удмуртской республики (далее: ЦДНИ УР). Ф. 352. Оп. 2. Д. 22; Д. 55; Д. 61; Д. 105.

меты. Через месяц упорной борьбы Ижевская и Воткинская армии с 10 000 восставших рабочих увеличилась до 75 000 штыков. У них уже было более 100 пушек и 700 пулеметов, все взятые у противника» [11, № 4, с. 116]. Стоит заметить, что Н. Сапожников все-таки снизил численность армии восставших до 50 тыс. бойцов, его последователи с этим не согласятся и доведут ее почти до абсурда, но об этом немного ниже.

В 1925 г. увидел свет двухтомный труд одного из ведущих советских военных теоретиков того времени и историков Гражданской войны Н.Е. Какурина «Как сражалась революция». В этой работе вооруженные силы Ижевско-Воткинского восстания оцениваются совершенно по-другому. Сначала Какурин, кажется, принимает основные оценки Сапожникова: «После мобилизации городского населения мятежники мобилизовали крестьян окрестных волостей, и их силы возросли до 25 000 человек. <...> Мятежники не испытывали недостатка в вооружении и даже артиллерии; впоследствии им удалось наладить и производство огнестрельных припасов» [3, с. 120–121]. Однако почти через 100 страниц он даст совершенно другую численность восставших, особо отметив их стойкость, несмотря на поражение войск Комуча под Казанью, Симбирском и др. местах: «К этим силам надлежит еще прибавить силы повстанцев ижевско-воткинского района, которые красным командованием определялись в 5500 человек вооруженных бойцов при 9 орудиях и около 4000 невооруженных рабочих и крестьян, обучавшихся в районе Ижевского завода» [3, с. 221–222].

При этом Н.Е. Какуриным дается ссылка на конкретные документы (в отличие от Н. Сапожникова) из Военно-Учётного архива (Д. 192, Л. 91–94 и Д. 210, Л. 1–4)⁶.

Показательно, что в следующей своей работе, развивая эти идеи, Какурин повторит только второе определение сил и оценку ситуации (правда, без 9 орудий и «около 4000 невооруженных рабочих и крестьян, обучавшихся в районе Ижевского завода») [4, с. 38–39].

Однако указанные работы Какурина мало повлияли на общее направление исследований восстания. В целом получила дальнейшее развитие линия, намеченная Н. Сапожниковым, с дальнейшим усилением фантазий. Так, в статье Н. Солоницина «История гражданской войны в губернии» (1927 г.) уже в качестве проверенных фактов приводятся данные из работы Сапожникова о численности вооруженных сил повстанцев, снабженных «пулеметами и артиллерией, изготовленными на Ижевских заводах», т.е. уже не только артиллерия, но и пулеметы изготавливаются восставшими [10, с. 41]; а также о масштабах мобилизации: «Для защиты своих последних

⁶ В РГВА, в который вошел этот архив, ни издателям этой монографии, ни собственным архивистам их пока обнаружить не удалось [3, с. 11–12].

твердынь Ижевска и Воткинска, белогвардейцы прибегают к мобилизации всего мужского населения завода, не находившегося в армии, в возрасте от 16 до 50 лет» [10, с. 43].

В том же 1927 г. в Ижевске увидела свет большая статья В. Сергеева «Ижевские рабочие в борьбе за Советскую власть», где отдельно рассматривались вопросы восстания. И хотя помимо опубликованных к тому времени работ автор объявил источниками те же издания из архивов «Вотского испарта, ижевских заводов, Вотского ГПУ» и др., что и были у Н. Сапожникова, нового в развитие концепции восстания он внес не так много. В первую очередь, следует отметить более реальную оценку положения с тяжелым вооружением у ижевцев – так, Сергеев не повторяет, в частности, прежних утверждений об изготовлении артиллерийских орудий на ижевских заводах, а пишет, что повстанцы «привели в исправность, оставленное в Ижевске коммунистами, 3-дюймовое орудие и делали замки к тем орудиям, которые белогвардейцы захватывали в боях» [9, с. 65–67]. **Что соответствует, в частности, воспоминаниям командующего армией восстания Д.И. Федичкина и др. документам⁷.** Однако описание характера организации армии у Сергеева, в сравнении с предшественниками, изменилось в сторону описания его как сугубо насильственного: «<...>.Только палочная дисциплина поддерживала «народную власть <...>. Всякая попытка уклониться от выполнения распоряжений белогвардейской власти расценивалась как большевистский поступок, влекущий за собою тюрьму, зверские пытки – вплоть до расстрела. Доказательств в таких случаях не требовалось» [9, с. 70, 73, 74, 76].

С 1928 г. начал издаваться трехтомник «Гражданская война 1918–1921»⁸. Это было издание, выходявшее под редакцией А.С. Бубнова, С.С. Каменева, М.Н. Тухачевского и Р.П. Эйдемана в 1928–1930 гг. После ареста в июне 1930 г. Н.Е. Какурина, на котором лежала основная работа по подготовке к изданию третьего тома, а потом и репрессий в отношении всей редакционной коллегии (кроме С.С. Каменева, скончавшегося от сердечного приступа в 1936 г.), трехтомник был изъят из почти всех библиотек СССР. Характерной чертой этого издания было то, что такой серьезный состав редколлегии

⁷ Федичкин Д.И. Ижевское восстание в период с 8 августа по 15 октября 1918 года. Написано для Hoover War Library Stanford University California командовавшим Ижевским восстанием Д. Федичкиным, бывшим полковником 13-го Туркестанского Стрелкового полка Российской Армии. – 5 October 1931. San Francisco, California / Hoover institution archives. Dmitri I. Fedichkin collection. Box № 1, folder ID: XX 37–8.31. Л. 13; Воспоминания Ф.И. Бутина о событиях в Ижевском заводе летом 1918 г. и об освобождении его в ноябре 1918 г. (14 янв. 1928 г.) // ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 24. Л. 8–9 об.

⁸ Гражданская война 1918–1921. – В 3-х томах. – М.: Издательство Военный вестник, 1928–1930 [19].

не позволял авторам уклоняться в фантазии об исключительных подвигах вверенных им частей. В значительной степени это касается бывшего командарма-2 В.И. Шорина и его описания боев за Ижевск, которое весьма существенно отличается от других его сочинений на эту тему. Отсутствует, к примеру, разобранный нами в указанном выше номере Вестника МГОУ утверждение о том, что вверенные ему войска во время встречного двухчасового штыкового боя уничтожили до полутора тысяч ижевцев, потеряв при этом только 40 человек и т. п.⁹ [14].

Главное значение этой большой статьи, как представляется, состоит в подробном описании мер по реформированию 2-й Красной армии после поражений от повстанцев и перечислении пехотных и артиллерийских частей (далеко не полным), которые были приданы ей после взятия Казани и присылались позднее, вплоть до подавления восстания [12, с. 138–139, 140, 142, 145].

Вместе с тем описание армии восстания у В.И. Шорина мало отличается от предшественников. Но им особо подчеркивается, что она действовала вместе с чехо-словаками: «<...> с достаточной точностью выяснилось, что учредилевские войска организовались в довольно крупные отряды по линии Казань–Екатеринбургской жел. дороги, со штабом в Ижевске. Сюда же докатилась часть белых отрядов, разбитых под Казанью; установлено было и присутствие чехо-словаков. <...>. Взятие Сарапула, одного из центров белогвардейского и чехо-словацкого засилия, значительно ободрило войска» [12, с. 137, 143, 144].

При этом ни в одном из многочисленных документов вверенной ему армии осени 1918 г. – «разговоры по прямым проводам», приказы, подписанные лично В.И. Шориным и др. – ни чехословацкие части, ни отряды из Казани в районе восстания (за исключением небольшой флотилии Федосьева, ненадолго появившейся в акватории Сарапула после падения последней) не упоминаются ни разу¹⁰.

Тем не менее можно отметить, что в указанном сочинении В.И. Шориным, вслед за Н.Е. Какуриным, был сделан серьезный шаг в сторону более объективного анализа событий Ижевско-Воткинского восстания, особенно в описании действий вверенной ему 2-й армии. Но дальнейшее развитие советской историографии пошло по другому пути – пути, проложенному еще Н. Сапожниковым и др. Кульминацией этого раз-

⁹ РГВА. Ф. 169. оп. 1. д. 84. Л. 26–27.

¹⁰ 2 Сводная дивизия Восточного фронта: Приказы // РГВА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 687; Дело 2-й Сводной ныне 28-й стрелковой дивизии 2-й армии: Разговоры по прямым проводам // РГВА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 621; Приказы №№ 37–230 по войскам 2-й армии Восточного фронта // ЦГА УР. Р–1061. Оп. 1. Д. 23.

вития можно считать монографию ижевского историка Ф.П. Макарова «Октябрь и гражданская война в Удмуртии» (1932 г.), значительная часть которой посвящена Ижевско-Воткинскому восстанию. Стоит отметить серьезную источниковую базу, которая была изучена этим автором, как и то, что этой базой он почти не воспользовался¹¹. Напротив, Ф.П. Макаров продолжил дальнейшую мифологизацию восстания, доведя ее во многом до абсурда. Так, оценивая силы Народной армии, Макаров приходит к выводу, что численность ее составляла около 125 тыс. бойцов и превосходила силы Красной армии в 25 раз: «<...>125 тыс. «народная» армия, имея в военном отношении на своей стороне все преимущества, не устояла против частей Красной армии не более, чем в 5 тыс. человек. Превосходили силы противника ровно в 25 раз» [5, с. 86].

Так же масштабно Ф.П. Макаров оценивает положение в Прикамской Народной армии с оружием и союзниками:

«Чехи, а вместе с ними контрреволюция волжских и камских городов, с невероятной быстротой двигались вверх по Каме в надежде прозимовать под крылом прикамской «учредилки», пополняя ряды ижевской контрреволюции. Теперь установлено, что в рядах прикамской «народной» армии присутствовало немало и чешского во-йска.<...>».

К этому же белогвардейщина, соединившись с отступающими по Каме чехами, сумела значительно увеличить свое вооружение. Винтовками они были обеспечены. Кроме того, им удалось наладить производство патронов и снарядов, а соединившись с чехами, довели свое вооружение до 100 орудий и 700 пулеметов. В этом отношении наши части были обеспечены в несколько раз меньше, чем противник» [5, с. 91, 94].

По поводу этих цифр стоит заметить, что для того, чтобы создать армию в 125 тыс. бойцов в Ижевске, Воткинске и Сарапуле, пришлось бы призвать в её ряды все население этих городов, от младенцев до стариков обоего пола. Что касается «100 орудий и 700 пулеметов» на ее вооружении, то появились они, несомненно, из упомянутой выше статьи Уповалова. И это при том, что к тому времени партархивом Вотской области (с 1 января 1932 г. – Удмуртская автономная область), который лично Ф.П. Макаров в то время и возглавлял, были собраны десятки воспоминаний участников событий (в том числе и со стороны повстанцев), в которых однозначно утверждалась их военная слабость – отсутствие патронов, орудий и снарядов, а также плохая дисциплина крестьянских отрядов¹² [8]. О том же свиде-

¹¹ Об этом можно судить по личному фонду Ф.П. Макарова // ЦДНИ УР. Ф. 372. Оп. 1. Д. 74 [7].

¹² Воспоминания [Тензина] о революционных событиях в Ижевском заводе в 1916–1918

тельствовали и документы, собранные лично Макаровым. Так, лично его рукой выписано из разведсводок, в частности, следующее: «Сведения <...> с 1 по 8 сентября 1918 года. <...>. Белые <...> открытый бой они не принимают и действуют засадами и обходами. <...>. У белых большой недостаток в патронах. <...> обмундирования и продовольствия у них нет. Содержат на своем хлебе и далее своей деревни не идут»¹³.

«Сведения <...> за время с 8 по 16 сентября 1918 года <...>, 20 сентября у них (ижевцев. – Е.Р.) кроме винтовок ничего нет»¹⁴.

Таким образом, с самого начала изучения вооруженных сил Ижевско-Воткинского восстания советские историки выбрали путь сознательного преувеличения их численности и мощи, пренебрегая содержанием имеющихся свидетельств и документов. В середине 1920-х гг. наметилась противоположная тенденция – реальной оценки сил восстания и противостоящей ему Красной армии (Н.Е. Какурин, в меньшей степени В.И. Шорин), но она не получила дальнейшего развития. С начала 1930-х гг. полностью стала доминировать первая тенденция, кульминацией развития которой стало доведение почти до абсурда оценки вооруженных сил восставших и значительное преуменьшение сил их противника. При этом продолжалось игнорирование почти всех доступных документов восстания и данных военных специалистов.

Литература:

1. *Дмитриев П.Н., Куликов К.И.* Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. – Ижевск: Удмуртия, 1992. – 389 с.

2. Ижевский Защитник. – 1918. – № 1–22.

3. *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. – Том первый 1917–1918 гг. – Издание 2-е, уточн. – М.: Политиздат, 1990 г. – 272 с.

4. *Какурин Н.Е.* Стратегический очерк гражданской войны. – М.-Л.: Воениздат, 1926. – 160 с.

5. *Макаров Ф.П.* Октябрь и гражданская война в Удмуртии. – Ижевск: УДГИЗ, 1932. – 76 с.

6. *Ренёв Е.Г.* Артиллерия Ижевской Народной армии накануне решающих сражений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология // ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 91. Л. 12 об.; Воспоминания М.И. Хлыбова о восстании против советской власти в Вавожской волости Малмыжского уезда в 1918 г. Рук. подл. (5–7 мая 1928 г.) // ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 99. Л. 7 об.

¹³ Документы, выписки из архивных документов, периодических печатных изданий об установлении Советской власти на территории Удмуртии (переписка Вятского губернского комиссара с Министерством внутренних дел Временного Правительства, письма уездных исполкомов Советов РК и КД о положении дел на местах, докладные записки начальника милиции Сарапульского уезда и др.) 2 марта 1917 г. – 15 ноября 1918 г. // ЦДНИ УР. Ф. 372 (Фонд Макарова Фаддея Петровича). Оп. 1. Д. 74. Л. 146–148.

¹⁴ Там же. Л. 151, 153.

рология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 7 (13). Часть 3. – С. 169–172.

7. *Ренёв Е.Г.* В.И. Ленину: «... г. Ижевск взят штурмом. К истории одной телеграммы // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия «История и политические науки». – 2011. – № 3. – С. 135–140.

8. *Сапожников Н.* Ижевско-Воткинское восстание // Пролетарская революция. – М., 1924. – № 8–9.

9. *Сергеев В.* Ижевские рабочие в борьбе за Советскую власть // Ижевск в огне гражданской войны 1917–1918 годы. Из истории революционного движения ижевских рабочих / Под ред. Чурсина. – Издание областной комиссии по проведению десятой годовщины Октябрьской революции. – Ижевск, 1927. – С. 3–90.

10. *Солоницин Н.* История гражданской войны в губернии. События 1918 года // Октябрь и гражданская война в Вятской губернии. – Истпарт Вятского губкома ВКП(б). – Вятка, 1927. – С. 33–66.

11. *Уповалов И.Г.* Рабочее восстание против Советской власти (Из записок рабочего социал-демократа // Заря. Орган социал-демократической мысли. – Берлин, 1923. – № 3. – С. 78–82; № 4. – С. 115–120; № 5. – С. 140–143; №№ 6–7. – С. 178–181.

12. *Шорин В.И.* Борьба за Урал. (Из боевой жизни 2-й армии) // Гражданская война 1918–1921. В 3 томах. – Т. 1. – М.: Изд-во Военный вестник, 1928–1930. – С. 136–163.